

Вашингтон Ирвинг

Легенда о завещании
мавра

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг
Легенда о завещании мавра

«ФТМ»

1832

Ирвинг В.

Легенда о завещании мавра / В. Ирвинг — «ФТМ», 1832

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

© Ирвинг В., 1832

© ФТМ, 1832

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Вашингтон Ирвинг

Легенда о завещании мавра

В Альгамбре, внутри крепости, перед самым королевским дворцом, расположена открытая эспланада, называемая Площадью Водоемов (La Plaza de los Algibes) и прозванная так по причине устроенных под нею и скрытых от взоров водохранилищ, которые существуют еще со времен мавров. В одном конце этой эспланады находится мавританский колодец, пробитый в голой скале и чрезвычайно глубокий, вода которого холодна, как лед, и прозрачна, как хрусталь. Колодцы мавров, вообще говоря, пользуются доброй славой, ибо отлично известно, сколько труда затрачивали они, чтобы добраться до самых чистых источников и ключей. Тот, о котором мы сейчас говорим, знаменит во всей Гранаде, и водоносы от утренней зари и до поздней ночи – одни с кувшинами на плече, другие погоняя ослов, навьюченных глиняными сосудами, непрерывно снуют взад и вперед по крутым, густо обсаженным деревьями аллеям Альгамбры.

Источники и колодцы в странах жаркого климата еще с библейских времен служат местом сборищ окрестных кумушек и вестовщиков; при нашем колодце существует тоже своеобразный, на протяжении долгого дня непрерывно заседающий клуб, членами которого являются инвалиды, старухи и прочий любопытный и праздный люд из числа обитателей крепости. Они сидят тут, на каменных скамьях под навесом, построенным над колодцем, чтобы защищать от палящих лучей солнца сборщика платы, пережевывают сплетни крепости, расспрашивают всякого приходящего сюда водоноса о городских новостях и пространно обсуждают все, что видят и слышат. Во все часы дня здесь можно встретить невероятных хозяек и ленивых служанок, – с кувшином на голове или в руках они часами слушают бесконечную болтовню этих почтенных людей.

Среди водоносов, постоянно посещавших колодец, одно время особенно выделялся крепкий и широкоплечий, но кривоногий и низкорослый человек по имени Педро Хиль, а короче – Перехиль. Как всякий водонос, он был, конечно, гальего, то есть уроженец Галисии. Природа, видимо, создала различные типы как людей, так и животных, для разных видов черной работы. Во Франции, например, все чистильщики сапог – савояры, все привратники в гостиницах швейцары, а во времена фижм и париков никто в Англии не умел так плавно носить портшезы, как туземцы страны болот, то есть ирландцы. Так и в Испании: все водоносы и носильщики – уроженцы Галисии, и никто не говорит «позовите носильщика», но обязательно – «позовите гальего».

Но довольно отступлений. Гальего Перехиль начал свое дело с большим глиняным кувшином, который он таскал на собственных плечах; однако со временем он настолько преуспел, что смог раздобыть себе помощника из соответствующего разряда животных, иначе говоря, крепкого, поросшего косматою шерстью осла. По обеим сторонам спины его длинноухого адъютанта в особых корзинах висели кувшины, покрытые фиговыми листьями, защищавшими их от палящего солнца. Во всей Гранаде не было более трудолюбивого и веселого водоноса, чем Перехиль, и когда он бежал за ослом, улицы оглашались его бодрым голосом, поющим неизменную летнюю песню, которую можно услышать во всех городах Испании: «*Quien quiere agua – agua mas fria que la nieve?*» – «Кто желает воды – воды более холодной, чем снег? Кто желает воды из колодца Альгамбры, холодной, как лед, и чистой, как хрусталь?» Подавая покупателям искрящийся на солнце стакан, он сопровождал его обязательной шуткой, а если это была миловидная женщина или девушка с ямочками на щеках, он тут же лукаво подмигивал и отпускал комплимент по поводу ее прямо-таки неотразимой прелести. Благодаря этому гальего Перехиль слыл по всей Гранаде за одного из самых любезных, веселых и счастливых смертных. Но если кто поет громче всех и больше всех

шутит, это еще вовсе не означает, что у него легко на душе. Хотя честный Перехиль и был похож на счастливого человека, все же и его тоже терзали заботы и горести. Ему приходилось содержать многочисленную семью; его вечно оборванные дети были голодны и крикливы, как птенцы ласточки, и, когда он вечерами возвращался домой, настойчиво требовали еды.

А кроме того, его «жена и помощница» была чем угодно, но отнюдь не помощницей. До замужества она слыла деревенской красавицей и славилась своим умением плясать болеро и щелкать кастаньетами. Все эти склонности она сохранила и после брака; тратила скудные заработки бедняги Перехиля на тряпки и безделушки, а по воскресеньям и бесчисленным праздникам, которых в Испании больше, нежели дней в неделе, реквизировала осла для поездок за город и для прочих увеселений. К тому же она была немного неряха, лежебока и прежде всего – сплетница чистой воды, готовая бросить дом, детей и все на свете, лишь бы вволю поболтать с кем-нибудь из соседей.

Но «кто смиряет ветер для свежестриженной овцы»¹, тот приноравливает супружеское ярмо к покорно согнутой шее. Перехиль нес свой нелегкий крест в образе жены и детей столь же кротко, как его осел – кувшины с водой, и хотя порою он почесывал у себя за ухом, тем не менее не дерзал подвергнуть сомнению хозяйственные добродетели своей половины.

Видя в детях свое собственное подобие увековеченным и размноженным – а птенцы его, как на подбор, были крепкими, коренастыми и кривоногими, – он любил их такой же любовью, какую сова любит своих совят. Величайшее наслаждение доставлял Перехилю тот на редкость счастливый день, когда он мог позволить себе маленький отдых и располагал пригоршней мараведи². В такой день он забирал с собой весь выводок – кто сидел у него на руках, кто цеплялся за его платье, а кто и самостоятельно тащился за ним по пятам – и отправлялся за город, чтобы погулять в садах веги³, в то время как его жена плясала со своими праздничными приятелями на скалистых берегах Дарро.

Был поздний час летней ночи, и большинство водоносов уже закончило свой дневной промысел. День выдался исключительно знойный, зато ночь была одною из тех чудесных лунных ночей, когда обитатели юга, вознаграждая себя за дневную жару и вынужденное безделье, выходят подышать воздухом и наслаждаются свежестью и прохладой далеко за полночь. Покупателей воды по этой причине было более чем достаточно. Перехиль, как рассудительный и чадолюбивый отец, подумал о своих голодных детишках. «Еще одна прогулка к колодцу, – сказал он себе, – и я заработаю на воскресный пучеро⁴ для малышей». Сказав это, он бодро зашагал по крутой аллее Альгамбры, распевая песню и время от времени награждая увесистым ударом осла, потому что этого требовал размер песни, а может быть, и для утоления его голода, ибо в Испании корм для выючных животных обычно заменяют ударами палки.

Придя к колодцу, он не застал там никого, кроме одинокого странника в мавританской одежде, который сидел на освещенной луною скамье. Перехиль остановился, посмотрев на него с удивлением и не без страха, но мавр знаком велел ему подойти.

– Я слаб и болен, – сказал он, – помоги мне добраться до города, я заплачу тебе вдвое против того, что ты смог бы выручить за воду.

Доброе сердце водоноса было тронуту этой просьбой.

– Господь не велит, – сказал он, – брать с тебя плату или вознаграждение за то, к чему меня обязывает обыкновенная человечность.

---

¹ Здесь имеется в виду английская пословица: «Бог приноравливает ветер для выстриженной овцы».

² Мараведи – испанская мелкая медная монета, полушка.

³ Вега – плодородная долина (исп.).

⁴ Пучеро – мясной суп (исп.).

Он помог мавру сесть на осла, и они медленно направились в Гранаду, причем бедняга магометанин так ослабел, что его приходилось поддерживать, иначе он свалился бы на землю.

Прибыв наконец в город, водонос спросил Мавра, где его дом.

– Увы! – прошептал тот. – Я – чужеземец. Позволь переночевать под твоим кровом, ты будешь щедро вознагражден.

На честного Перехиля нежданно-негаданно свалился, таким образом, гость-мусульманин, но он был слишком добр и слишком отзывчив, чтобы отказаться приютить на ночь ближнего, который находился в столь бедственном положении, и он повез его к себе в дом. Дети, с широко раскрытыми ртами высыпавшие ему навстречу, как это неизменно случалось, лишь только до них доносился топот осла, увидев чужого, да еще с тюрбаном на голове, в испуге убежали назад и спрятались за спиной матери. Последняя бесстрашно выступила вперед, как наседка, защищающая цыплят от бродячей собаки.

– Это что еще за басурман! – вскричала она. – Или, приведя его в столь позднее время, ты хочешь познакомиться с инквизицией?

– Успокойся, жена, – ответил гальего, – пред тобой больной странник, у которого нет ни друга, ни крова; что же, по-твоему, вытолкать его вон, чтобы он умер на улице?

Жена собиралась привести новые возражения, ибо хоть она и обитала в лачуге, тем не менее горячо пеклась о репутации своего дома; но маленький водонос на этот раз упрямо стоял на своем и наотрез отказался подставить шею под супружеское ярмо.

Он помог хворому мусульманину спешиться, постелил ему на полу, в наиболее прохладной половине, рогожу и овчину, и это было все, что по своей бедности он мог предложить ему вместо ложа.

Немного погодя мавра схватили сильные судороги, и все медицинское искусство бесхитростного водоноса оказалось напрасным. Взгляд больного выражал его признательность и благодарность. В промежутке между двумя приступами он подозвал Перехиля и едва слышным голосом произнес:

– Боюсь, что мой конец близок. В благодарность за твое внимание и участие завещаю тебе этот ларчик. – Произнеся эти слова, он распахнул ларец из сандала⁵, находившийся у него за поясом.

– Бог милостив, приятель, – возразил сердобольный гальего, – вы еще поживете годы и воспользуетесь вашим сокровищем.

Мавр покачал головой; он положил руку на ларчик и хотел еще что-то добавить, но судорога возобновилась с еще большей силой, и вскоре он испустил дух.

Тут на водоноса надела его совершенно осатаневшая половина.

– И все, – сказала она, – из-за твоего дурацкого добродушия, и всегда ты ввязываешься в беду, лишь бы помочь другому. Знаешь ли ты, что сделают с нами, когда найдут у нас его труп? Нас посадят в тюрьму как убийц, и если нам удастся каким-нибудь образом спасти свою жизнь мы будем обобранны дочиста нотариусами и альгвасилами⁶.

---

⁵ Сандал – драгоценное дерево с ароматической древесиной, произрастающее в Африке и Азии.

⁶ Альгвасил – полицейский (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.